

стического романа, сказки и т.д. Таким образом, правильность высказывания должна быть квалифицирована не только и не столько как правильность языковой формы, но и как правильность отображения некоторого фрагмента действительности в высказывании. Иными словами, «критерий семантической правильности означает осмысленность представления реальной ситуации, в которой все части отображены в такой связи, в которой находятся «вещи» в действительности» [8, с. 163].

Заключение. Грамматическая правильность высказывания находится во взаимодействии с семантической правильностью, поэтому отмеченность предложения должна ограничиваться пределами языковой нормы. В то же время семантическая правильность предложения на самом деле еще не означает логической истинности или ложности высказывания. Этот критерий необходимо отнести не к языку, а к научной проверке содержания высказывания, то есть к практике. То, что высказывание «Солнце вращается вокруг Земли» ложно, не так существенно для языка, как принципиально важно наличие определенного соответствия грамматического оформления и семантического наполнения, иначе говоря, соответствие грамматики и семантики. Следовательно, для лингвистического анализа следует признать корректным такое высказывание, в котором взаимодействуют только грамматическая и семантическая правильность, но для выполнения языком своей коммуникативной функции необходимо привлечение еще и компонента логической истинности или ложности.

Практическая важность не только критерия осмысленности, но и критериев грамматической правильности и семантической отмеченности, ставящих предел бесконтрольному образованию бессмыс-

ленных фраз, достаточно очевидна. Для того, чтобы некоторую последовательность словоформ можно было считать предложением естественного языка, выполняющего в силу своей специфики коммуникативную функцию, необходимо соотнести ее с объективной действительностью, в противном случае, мы получим не само предложение, а всего лишь некоторую его модель типа «Книга летала благодаря курению дивана». Отсюда понимание модели предложения и понимание предложения, отмеченного в языке, представляется совершенно различным. Именно социальная природа языка не позволяет признать построение подобного типа предложением-высказыванием.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хомский, Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2.
2. Хилл, А. О грамматической отмеченности предложения // ВЯ. – М., 1962. – № 4.
3. Кондаков, Н.И. Логический словарь. – М., 1971. – С. 579.
4. Lamb, S.M. Lexicology and Semantics // Linguistics Today. – London, 1969. – P. 47.
5. Ферс, Дж. Техника семантики // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 84.
6. Katz, J. Semi-sentences // The structure of language. – Englewood, 1964.
7. Правдин, М.Н. Логика и грамматика – М., 2003. – С. 23.
8. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975. – С. 163.
9. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 2005. – С. 70.

Материал поступил в редакцию 01.09.10

VENSKOVICH M.S., VENSKOVICH S.W. The correlation of logical truth, grammaticality and semantics correctness of utterance

The article deals with the problem of interaction of logics laws, grammar and semantics in the process of forming the according structure of the utterance and their role for its function in communication, it discovers the understanding of utterance logical correctness of formal idea reflection, but the truth of the utterance is the characteristics of the thought content. On the basis of the actual material the mechanism of the influence of language norm on the correct grammar structure of the utterance, the real situation and semantical meaning are discussed.

УДК 821

Коновод Л.М.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. ЯНДЛЯ И ВС. НЕКРАСОВА

Введение. Середина XX века в истории литературы, русскоязычной и зарубежной, – время особых процессов. Как указывает известный российский литературовед А. Каломиров, «эстетика нового русского искусства (и поэзии в частности) создавалась на базе отрицания мертвешей к концу 50-х годов художественной системы, за которой закрепилось название «искусства соцреализма». Подцензурная русская поэзия 60-х годов в историко-культурном отношении выполняла чисто негативную функцию: она «открывала» целые области культуры, слои быта, табуированные, исключенные из словесного бытия в литературе подцензурной» [1]. В данный период проходят этап своего становления и развития такие авангардистские явления, как группа СМОГ («Самое Молодое Общество Гениев», другой вариант расшифровки названия «Смелость. Мысль. Образ. Гениальность»); группа «Хеленуктов» с их эстетикой абсурдного; школа конкретной поэзии, где проповедуется поэтика вещей, показа взамен рассказа; концептуальное искусство, по-новому представляющее привычные заидеологизированные фразы-концепты; лианозовская группа, через эстетику черного юмора, в минималистских, псевдонаивных произведениях приоткрывающая правду о существовании в стране Советов.

Схожие тенденции к радикальному обновлению художественных

средств, нарастающая проблематизация языка, идеи спонтанности и адогматичности творчества прослеживаются и в зарубежных течениях и направлениях данного периода.

Теория и практика лианозовской группы, как в фокусе, собирает самые характерные черты неофициального искусства СССР 50–60 гг. XX века. Группа объединила художников В. Немухина, Л. Мастеркову, Н. Вечтомова, поэтов Вс. Некрасова, Г. Сапгира, И. Холина, Яна Сатуновского, встречавшихся в бараче (еще одно название объединения – барачная поэзия) на станции Лианозово, что под Москвой, в квартире поэта и художника Е. Кропивницкого и его семьи, тоже художников, – О. Потаповой, Л. Кропивницкого, В. Кропивницкой. Говоря о зарождении этого объединения, необходимо привести цитату из знаменитой объяснительной записки МОСХу 1963 года Е.Л. Кропивницкого по поводу «создания им лианозовской группы»: «Лианозовская группа состоит из моей дочки Вали, внучки Кати, внука Саши и его отца Оскара Рабина, которые живут в Лианозове». И на самом деле, лианозовцы – это группа друзей и единомышленников, каждый из которых обладает своим индивидуальным поэтическим голосом. Отчасти представители данного объединения продолжатели традиций футуризма, движения УЛИПО, ОБЭРИУ, сюрреализма в том объеме, который был доступен в подцензурном искусстве СССР. Если

Коновод Людмила Михайловна, старший преподаватель кафедры классической и современной зарубежной филологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.

говорить о синхронических связях, то в контексте европейского и мирового авангарда лианозовская группа, в первую очередь, связана с таким явлением, как конкретная поэзия.

Один из самых ярких поэтов-лианозовцев Всеволод Некрасов (1934–2009), «размышляя о параллелях с западным искусством, вспоминал всегда и немецких конкретистов: Гомрингера, Мона, Рюма, Яндля... Но всегда оговаривался: о параллелях этих можно говорить только «на схожих основаниях». Разниц было не меньше чем сходств, поэтому и терминология западного искусствования, со всей своей оптикой перенесённая на почву нашего искусства, может сместить смысловые акценты, спутать картину того, что здесь действительно происходило. Это тонкий момент, требующий осторожности» [2, с. 194]. Сам термин «конкретная поэзия» происходит от латинского «*concretas*» – «густой», «сгущенный», «уплотненный». В творчестве поэтов-конкретистов наблюдается тенденция «через эксперименты с языком освободить энергию конкретного слова, не зависящего от синтаксиса и грамматики» [3, с. 96]. Эстетическое обоснование конкретной поэзии выводится из предпосылки, что звуковая и графическая оболочка слов, их расположение на листе бумаги заключают в себе серьезный смысловой и символический подтекст, не совпадающий полностью с лексическими значениями отдельных слов и словосочетаний, а порой и вступающий с ними в явное противоречие. Вс. Некрасов в одном из своих интервью подчеркивает важность вещественности, предметности слова: «Помоему, конкретизм – понятней и естественней. То самое, про что Хармс говорил: кинуть словом в окно – и стекло разобьется. Это беря слово со стороны материи».

СССР после Сталина, Германия после Гитлера, тоталитарное прошлое, породившее не только социальные проблемы, но и чувство эстетической катастрофы, привели к параллельному возникновению в различных национальных литературах схожего явления. Поиск русскими поэтами «новенького, но, главное, невиновного» [4, с. 78], желание вернуть слову значение, порвать с «инерционным» стихосложением, в котором накопилось огромное количество обязательного, привычного пафоса, сентиментальности очень близок идейной установке немецкоязычных конкретистов: «Мы должны давать только обнаженные слова, без грамматических связей, без отвлечённых понятий, слова, обозначающие либо конкретные действия, либо конкретный предмет», – отмечает теоретик и поэт-конкретист О. Гомрингер [5, с. 174]. Недоверие к состоянию и возможностям современного языка, выразившееся с особой силой в творчестве лианозовцев и конкретистов, проявилось в общем эстетическом принципе регистрационности, своеобразном устранении авторской позиции. Стихи данных поэтов могут служить образцами эпически-стоической констатации, их языковая организация предельно близка разговорному языку, отражает образ мысли и образ жизни «среднего человека».

В программном документе конкретистов «Плане-путеводителе по конкретной поэзии» (1958) подчеркивается роль в конкретной поэзии идеограммы, то есть письменного знака, условно обозначающего понятие, характерным также является утверждение, что конкретное стихотворение – это предмет, взятый сам по себе, что оно не призвано объяснять действительность или передавать суждения, мысли и чувства автора. И для творчества конкретистов, и для творчества лианозовцев характерно усиление визуальной мотивированности высказывания, обыгрывание разных вариантов написания букв, расположения строк на бумаге, произведения тяготеют к переходу искусства письма к искусству рисования словом по бумаге. Тексты Э. Яндля (1925–2000) и Вс. Некрасова зачастую оформлены в причудливые фигуры со сложной архитектурой. Визуальность стихотворений Вс. Некрасова отмечает В.С. Библером, который подчеркивает, что «это – поэзия, рассчитанная на *видение*, на отстраненное смотрение, на одновременное существование всех строк» [6, с. 331], а А. Махонинова отмечает, что это «прежде всего поэзия опространствливания, поэзия расположения высказывания в пространстве» [7, с. 234].

Стихи Вс. Некрасова и Э. Яндля достаточно часто оформлены как монолог лирического героя, носителя наивного, редуцированного мышления. Безыскусные, скованные и лексически, и грамматически попытки выразить свою мысль с лихвой компенсируются эмоциональным, интонационным, невербальным рядом, сопровождающим речь

такого героя. Ситуация, когда от развитой, нормированной и истертой от долгого употребления языковой системы остается только минимальное количество прозрачных, обиходных, самых «нужных» для жизни слов, открывает перспективы для исследования возможностей этих лексем. Оказывается, что с помощью минимального набора слов и выражений, примитивных по своей сути, можно выразить и сложнейшую гамму переживаний, и абстрактно-метафизические умозаключения, непостижимо сохраняя за ними простоту, лаконизм и конкретность. Достаточно известны размышления по этому поводу Вс. Некрасова: «Конечно, речь нагала, осрамилась. Речь несёт идеолог, разные обманы, пагубы и болезни. <...> Я не вижу способа, серьезно говоря, как лечить речь чем-то ещё, кроме речи. Помогать ей изживать её беды ею же» [8, с. 296–297].

Тотальное стремление к аскетизму высказывания, упразднению словесных излишеств наблюдается в следующем стихотворении Вс. Некрасова, которое состоит из двух знаков:

Однако

Первая фраза, заканчивающаяся точкой, осталась за пределами текста. В центре повествования осталось слово, которое оспаривает безапелляционность точки, подвергает сомнению любое однозначное высказывание. Отсутствие знака само становится знаком, знаком того, что любая истина, любой лозунг могут быть поставлены под сомнение думающим и чувствующим человеком. Подобная игра минималистскими средствами наблюдается и в стихотворении Э. Яндля «предок и потомок», которое состоит всего из двух слов, отличающихся лишь наличием точки после одного из них:

я.

я*

С учетом отсутствия в произведениях Э. Яндля традиционной пунктуации, точка в этом стихотворении приобретает дополнительную семантическую нагрузку, становится выразителем идеи конечности, минувшего, идеи «предка». В то время отсутствие знака препинания превращается в пустоту, чреватую речью и обозначает наличие будущего, перспектив, отсутствие ограничений у «потомка». Мотив триединства времен прозвучал в данном стихотворении, при всем формальном экспериментаторстве, достаточно традиционно: и прошлое и будущее в представлении поэта сливается в едином настоящем, обобщенном «я».

Отсутствие знака в подобных текстах, оформленное визуально как пробел, пропуск строки или лексически как минимализация словаря, получает выражение в заданном контексте. Широко распространяется в произведениях лианозовцев и конкретистов семантика намека, недоговоренности, указания, своеобразного речевого жеста.

Еще более заострена визуальная природа высказывания в стихах Вс. Некрасова и Э. Яндля, тяготеющих к идеограмматическому письму. Подчеркнутые пустоты, параграфические значки, позволяющие вариативно воспринимать текст, приглашают читателя к чтению-игре, где результат не задан автором. Такие произведения предоставляют читателю большую свободу в выборе понятий и слов, стоящих за знаком, поскольку понятие, объемлемое идеограммой, многословно, зачастую полисеманлично. Следующее стихотворение Вс. Некрасова обладает симультанной композицией, позволяет и традиционное чтение, пренебрегая делением на два столбца, и чтение по столбцам, выделяя «правое» и «левое» высказывание:

речь

ночью

можно так сказать

иначе говоря

речь
как она есть

речь
чего она хочет

Текст насыщен пустотами-паузами, имитирующими тишину ночных размышлений, а визуальное противостояние симметричной левой и правой половины текста подчеркивает конфликт на уровне

* Сохранена традиция письма конкретизма без заглавных букв и знаков препинания

семантики, обозначенный особенно ярко в последних сточках высказывания: «как она есть» / «чего она хочет». Вечная проблема формы и содержания, желаемого и действительного, данного и потенциального выражена в этом стихотворении оригинальными приемами.

В стихотворении Э. Яндля «параллельно» использован тот же прием повествования, формальное решение поэта заявлено уже в заголовке: внутри произведения сосуществуют, по сути, два повествования, событие описывается как будто с двух точек зрения, но в единстве момента:

с моста
с моста
смотрят
прыгает
люди
кто-то
в воду
в воду

Еще один способ усиления визуальной природы текста – это сноски, авторские комментарии, *Nota bene*. Взамен служебной по отношению к стихотворению функции уточнения и пояснения, в поэзии Э. Яндля и Вс. Некрасова они трансформируются в самостоятельную часть художественного текста. В произведениях Вс. Некрасова сноска в тексте чаще становится способом превращения стихотворения в плюральное высказывание с несколькими вариантами финала. Этот визуальный акцент направляет чтение по нескольким маршрутам, предлагая взглянуть на произведение со стороны, под другим углом. Так в одном из самых известных стихотворений Вс. Некрасова «живу и вижу» внутритекстовых сносок сразу две, приведем одну из них:

жизнь ужасна
но жить можно*
вроде того что

* (и нельзя может
но нам повезло)

По сути, данное стихотворение взамен линейной организации текста предлагает форму гипертекста, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними.

Сноски в произведениях Э. Яндля, кроме упрощения диктатуры линейности текста и однозначности повествования, иногда преобразуются в своеобразное эпиграмматическое заострение высказывания, неожиданная реплика сноски опрокидывает ожидания читателя, сообщает тексту остроту и динамичность. Э. Яндль в удетеронном тексте, состоящем из семикратно повторенного слова «нет», через значительный интервал приводит в скобках сноску: «ответ на семь непоставленных вопросов».

Отметим, что зачастую и русскоязычные и немецкоязычные конкретисты прибегают к письму с помощью весьма ограниченного словаря, вплоть до использования одной-двух лексем, широко применяя для создания стихотворений слова служебных частей речи, знакедейсисы; в результате постоянным является и обращение к кратким и сверхкратким строкам. Сам Вс. Некрасов в таких экспериментальных текстах ищет ответа на собственный же принципиальный вопрос: «остался там кто живой, хоть из междометий»:

ничего
ничего
в общем-то
ничего
и вон еще
ничего.

Э. Яндль также оформляет свои произведения как многократное повторение одного и того же слова, наделяя его тем самым особой значительностью, подчеркнутым смыслом:

только только
только только
только только
только только
только только

Говоря об «ограниченности» словаря поэзии конкретистов, надо отметить, что подобный подход демонстрирует проблему обесценивания и обезличивания слова в мире современности, провал коммуникации. Вс. Некрасов пишет о «советской» осмотрительности, умении говорить так, чтобы не сказать ничего лишнего, Яндль – о схожем состоянии мира, погруженного в отчуждение, о несвободе личности, способной только к косноязычному заиканию взамен осмысленных высказываний.

Необходимо отметить, что «история поэтического языка в 60-е годы прошла под знаком эмансипации разговорной речи и «обживания» запретных областей», отмечает А. Каломиров особенности русскоязычной поэзии [1]. В такой ситуации традиционные «смысл», «красота», «лиричность» перестают быть эстетическим образцом, границы языка и речевых возможностей беспредельно расширяются.

Откликаясь на проблему современного состояния языка, создавая особые речевые стихотворения, поэты лианозовской группы и авторы-конкретисты, берут за основу функциональное слово, которое зависит от контекста, ситуации коммуникации, речевых особенностей говорящего, всей языковой парадигмы. Письмо традиционным языком, а не «живым» словом, невозможно на современном этапе, известный немецкий теоретик и практик конкретизма Х. Хайсенбюттель отмечает: «Не говорящий решает, что он говорит, а объективное состояние языка, который использует говорящий, создает сказанное» [8, s. 79]. Для преодоления этой порочной традиции Э. Яндль, Вс. Некрасов обращаются к народной речи, к языковому строю, передающему образ мышления среднего большинства, к диалектам, заплетающемуся косноязычию малообразованных, но думающих людей. Такие стихи звучат как «голоса народа». Коль скоро на данном этапе и в данных исторических и социальных условиях жизнь человека ограничивается отравлением только самых насущных потребностей, а о самоопределении и реализации «высоких» стремлений не может быть и речи, то и поэтические средства выразительности сведены к минимуму. Однако интенционально подобные произведения говорят значительно больше, чем самые смелые памфлеты и обличения:

давай Бог ноги отцы и
дети Агата Кристи
Барклай де Толли
Фрегат Паллада
сказало злато уже
тлетворный
нерукотворный чего же
боле простой советский
советско-русский
словарь
хоть стой хоть падай
Кощей Бессмертный
слуга покорный

Традиционный авангардистский прием эхололии, записи подслушанных фраз, случайно оброненных слов использует в данном стихотворении Вс. Некрасов. Текст состоит из простого перечисления расхожих выражений, устойчивых оборотов, цитат из классики, от долгого и бездумного употребления превратившихся в словесную шелуху. Такая «зарисовка с натуры» позволяет понять состояние языка и мышления, зомбированного постоянными выкриками-лозунгами, понуканиями и помываниями простыми людьми.

Схожая проблематика рассматривается и в стихотворении Э. Яндля «на границе», основанном на изломанной, неправильной речи, которая выполняет семиотическую функцию знака-признака. В данном тексте вместо рассказа о социальном устройстве, политике государства, общем культурном уровне молодого поколения «немцев» и «не-немцев» автор передает только признак этих явлений – неграмотную, изломанную речь. Сарказм, горечь звучат в данном произведении, повествующем о культурном и духовном обнищании, тотальной экспансии политики во внутреннюю жизнь личности:

ты говоришь по немецки?
говоришь ты по немецки?
ты знать вольфа бирмана?
ты знать райнера кунца?
ты говоришь по немецки?

говоришь ты по немецки?
 значь ты эрнста яндля?
 его тебе не значь можно
 ты хороший юнош
 вольфа бирмана не значь можешь
 ты хороший юнош
 райнера кунца не значь можешь
 ты хороший юнош
 ты должен значь
 одну-единственную
 германцк демократическ республику

Заключение. Необходимо говорить о том, что стихотворения лианозовцев и конкретистов фокусирует внимание на очевидных, предметных явлениях; не обобщая, не стремясь к универсализму трактовок, авторы добиваются эффекта достоверности и ёмкости картины действительности. Традиционная форма поэтического высказывания в произведениях Вс. Некрасова и Э. Яндля перерождается за счет использования приемов визуализации текста, подчеркнутой графичности. Отказ Вс. Некрасова и Э. Яндля от классической поэтической лексики, минимализация художественных тропов, обращение к бытовому слову, манере говорения среднего большинства превращает их творчество и в «энциклопедию жизни», определенной временной эпохи, и в микросрез состояния языка и мира в целом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каломиров, А. Двадцать лет новейшей русской поэзии (Предварительные заметки) / А. Каломиров // Русская мысль. – 27.12.1985. – № 3601.
2. Сухотин, М. К разговору в Малаховке в 95 году / М. Сухотин // Полилог. – 2010. – № 3. – С. 194–196.
3. Gomringer, E. Manifeste und darstellungen der konkreten poesie 1954–1966 / E. Gomringer. – St. gallen: edition galerie press, 1966. – 116 s.
4. Кулаков, В. Поэзия как факт. Статьи о стихах / В. Кулаков. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 468 с.
5. Архипов, Ю. Бунт и эксперимент в литературе ФРГ и Австрии / Ю. Архипов // Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. / редкол.: А.Л. Дымшиц, Р.М. Самарин, Я.Е. Эльсберг. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 171–196.
6. Библер, В.С. Поэтика Вс. Некрасова. // В.С. Библер Замыслы: в 2 кн. – М.: РГГУ, 2002. – Кн. 2. – 992 с.
7. Махонинова, А. «Обернуть речь ситуацией»: пространственность поэтической речи Всеволода Некрасова / А. Махонинова // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 99. – С. 229–236.
8. Журавлева, А. Пакет / А. Журавлева, Вс. Некрасов. – М.: Меридиан, 1996. – 629 с.
9. Arnold, H. L. Die westdeutsche Literatur 1945 bis 1990 / H.L. Arnold. – München: DTV, 1995. – 193 s.

Материал поступил в редакцию 04.09.10

KONOVOD L.M. Vocabulary-stylistic organization products E. Yandla and vs. Nekrasova

The article describes the lexicological and stylistic organization in the poetry of the modern Austrian concretist Ernst Jandl and in that of the Russian representative of the underground Lianozovo School – Vs. Nekrasov. Comparative methods are used to identify synchronic analogies in both, the art of the aforementioned artists, and in the German and Russian literature in general. The article points out typical writing techniques used by the concretists and Lianozovo representatives: intensification of verse visualization, tendency towards using colloquial language, creation of a peculiar intonation pattern designed to imitate the manner of speech that is typical of a «common man», appeal to minimalist aesthetics, open irony towards public engagement.

УДК 796

Орлова Н.В., Крыловский О.В.

АНАЛИЗ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

Введение. Образовательный процесс в вузе будет эффективнее, если качество профессиональной подготовки преподавателей будет выше.

Наше исследование подтверждает гипотезу о необходимости всестороннего изучения личности преподавателя по физической культуре и спорту.

Результаты экспериментальной работы, предметом которой были педагоги, повлекли за собой более углубленное изучение особенностей их личности.

С целью изучения мнения преподавателей по физическому воспитанию и спорту о готовности к профессиональной деятельности было проведено анкетирование.

Итоги анкетирования позволили избежать многих недоразумений и ответить на следующий непростой вопрос: что и как изучать в личности преподавателя по физической подготовке и спорту.

Вопрос о всестороннем изучении и знании подчиненных педагогов является одним из тех вопросов, от которого во многом зависит успех повседневной деятельности заведующего кафедрой физической культуры и спорта. Как подтверждает опыт, попытки оказать нужное влияние на педагога без всестороннего знания его, как правило, не дают желаемых результатов.

Программа изучения индивидуально-психологических особенно-

стей педагогов реализуется с помощью определенных методов и средств (рис. 1).

Наиболее часто изучение преподавателя физической подготовки и спорта начинается с анализа биографических данных, при котором применяется биографический метод – способ изучения личности, исходя из знания его жизненного пути. Биографический вариант данного метода заключается в интерпретации влияния тех или иных биографических фактов и биографии в целом на развитие личности, ее социально-биологические особенности. Для этого необходимо знать вероятное влияние тех или иных биографических факторов на развитие личности преподавателя по физической культуре и спорту.

Количественный, статический вариант данного биографического метода требует применения ЭВМ, т.к. связан с обработкой большого массива информации. При этом биографические данные, полученные путем заполнения формализованной биографической анкеты, как бы накладываются на статистические зависимости, отражающие корреляцию биографических данных с развитием различных качеств личности педагогов. В итоге ЭВМ выдает словесную распечатку об особенностях жизненного пути конкретной личности, вопросы, которые предпочтительно задать данному педагогу в беседе, а также прогноз о развитии профессионально важных качеств личности, выработанный с помощью цифр. Существуют методики статического варианта биографического метода, которые можно применять и без ЭВМ.

Орлова Н.В., доцент кафедры физического воспитания и спорта Брестского государственного технического университета.

Крыловский О.В., преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.